

Она шла по внешнему двору, накинув на плечи шаль. Уже четвёртый круг по площади шел, и дыхание вырывалось короткими облачками, намекая на усталость. Юи нужен был свежий воздух, нужны физические упражнения, но она не могла гулять по лесу, как в своей деревне.

Было бы так легко пренебречь всем этим. Лечь и лежать там, ждать, пока пройдет время, ждать, пока чувство вины заглушит все остальные мысли, пока не останется лишь дымка. И, отстранившись на некоторое расстояние, Юи могла признать, что именно так она и поступила — хотя и не легла.

Рутинa держала ее в тонусе, и пренебрегать ею означало пренебрегать своими пациентами. С недавних пор, она иногда оказывалась способна думать о будущем без беспомощной ярости-вины за то, что Сэна не будет рядом, дабы увидеть оное будущее вместе с ней.

Иногда.

Но... она всё ещё не была готова выйти за рамки рутины. Пока не готова.

Для постороннего человека ее обход выглядел странно — слишком целенаправленно, чтобы назваться бесцельной прогулкой. Один из охранников, стоявших у главного коридора, наблюдал за ней, наклонив голову, как она полагала, в замешательстве. Юи сделала пятый круг и остановилась; холодный воздух обжигал легкие, пока она ждала, когда успокоится дыхание. Ей следовало взять с собой шарф, но ретроспектива не принесла ничего, кроме сожаления.

Сморщившись от сухого кашля, который грозил вырваться наружу, Юи вернула взгляд в неподвижный сад. Голые ветви глицинии низко свисали, обрываясь над вечнозеленым кустарником. На мгновение Юи подумала, что кто-то оставил клочок ткани, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это цветок. Камелия, если бы ей пришлось гадать, но она не была похожа на те, что она видела раньше, с румяно-розовыми лепестками и густой золотистой серединой. В ее лесу были дикие камелии, и все они цвели осенью.

Послышались тяжелые шаги, и рядом с ней остановился еще один безымянный стражник.

— Целительница.

С неохотой она оторвала взгляд от цветка и посмотрела на него. Юи не помнила, чтобы лечила его раньше, а шрам, подчеркивающий его глаза, был весьма характерным. Она бы его запомнила.

— Вам что-нибудь нужно? — Спросила она и вновь взглянула на цветок, размышляя, не является ли он редким, устойчивым к снегу видом.

— Не совсем.

Голос изменился — стал резким, знакомым. Она подняла голову. Это уже был другой человек, с темными глазами, лицом без шрамов и отсутствием улыбки.

Юи вздрогнула, а вскрик захлебнулся в ее горле. Но он не угас достаточно быстро, чтобы остаться незамеченным. Другой охранник выпрямился и стал приближаться, крепко сжимая в руке копье.

— Я в порядке. — Прочистив горло, сказала она. — Простите. Я просто испугалась.

Этого охранника она знала; Юи лечила его несколько дней назад от ушибов, полученных во время тренировки. Он посмотрел на нее, затем на Изуна, прищурившись. Изуна выдохнул, почти вздохнул, а затем встретился взглядом с охранником.

— Этот шиноби беспокоит вас, лекарь? — Мужчина поджал губы, чувствуя себя не в своей тарелке, но, похоже, был полон решимости защитить ее.

— Нет, но спасибо. — Юи сдерживала свое раздражение, когда Изуна переместил свою позу вперед, намеренно агрессивную. — Я в порядке. Правда. Он просто хотел поговорить со мной.
— Дополнила девушка.

Она понимала, что звучит не очень убедительно, но это сработало. После еще одной нерешительной паузы охранник, наконец, кивнул и с облегчением вернулся на свой пост.

Оставшись одна, Юи снова повернулась к ниндзя.

— Изуна-сан, — медленно произнесла она. — что вам нужно?

— Целитель. — Его приветствие было резким. Вместо ответа он сложил руки в печать, которую она узнала благодаря урокам Макото.

Птица, и... дальше она уже не разобрала — слишком быстрые движения.

Чакра Изуны омыла ее, как концентрированное тепло, и она снова отпрянула назад.

— Что это было?

Он посмотрел на нее, вздёрнув брови в удивленном и одновременно снисходительном выражении, которое напомнило ей Мадару.

— Я сплел иллюзию, чтобы наблюдатели услышали разговор о погоде. — Агрессия из его позы исчезла, когда он выпрямился и отвел плечи назад. — Я часто забываю, что ты можешь

использовать чакру. Обычно это делают только шиноби и самураи, а иногда и священники. Ты ни одна из перечисленных. — Сказал он с легким смешком.

Это шутка? Неужели Изуна проявлял к ней не только злость?

— Чакру используют не только эти три группы. — Наконец ответила Юи.

В конце концов, ее старый учитель научился этому, как и учитель ее учителя, и так далее.

Изуна отвёл взгляд.

— Да, есть скульпторы, которые используют чакру для создания камня, и целители вроде тебя. Но... всё сложно. Чем больше людей знают о техниках, тем выше вероятность, что кто-то будет использовать их не по назначению.

Другими словами, он имел в виду, что знания о чакре намеренно подавляются. Как будто она сама не догадалась об этом, и как будто слова Хаширамы не натолкнули ее на эту мысль. Было немного странно слышать, как слова главы клана Сендзю почти повторяет Изуна, их заклятый враг.

Изуна резко сменил тему.

— Хорошо ли с тобой обращаются в доме господина Фукуямы?

— Да. — Ответила она озадаченно.

— Дай нам знать, если это не так. — Добавил он.

Юи кивнула, не зная, что ответить на его заявление.

Парень наклонил голову, а затем осмотрел ее. Он действительно осматривал ее. По сравнению с тем, как ее разглядывали дворяне, это было гораздо неприятнее. Юи знала, что он увидит шрамы горя: ее тусклые, обведенные чёрными кругами глаза, бледную кожу и сторбленные плечи. Ее волосы, когда-то столь тщательно ухоженные, были отброшены назад в небрежную косу. Она не стыдилась своего горя. И всё же, после того как она раннее почувствовала на себе всю тяжесть его неуместного гнева, его вежливость... смущала.

Он снова замолчал, да настолько долго, что снег начал покрывать лепестки камелии.

— Ты напоминаешь мне Мадару после смерти наших братьев. Тогда он отказался горевать. Думаю, он так и не смог этого сделать.

— Я скорблю. — Огрызнулась она, чувствуя, как угасает ее непрочная доброжелательность. — Как ты можешь говорить... — Юи запнулась. Как он мог сказать это? Когда она почти ничего не делала, кроме как горевала, и когда она только начала подниматься из ямы опустошения? — Как ты мог такое сказать?

Изуна покачал головой.

— Ты не поняла. — Сказал он так же резко, но потом стиснул зубы и позволил своему раздражению угаснуть. — Вместо того чтобы принять случившееся, пропустить через себя, пусть это и больно, а затем идти дальше, ты пытаешься похоронить себя под обязанностями, чтобы не чувствовать горя. И что по итогу? Ты жива, но мысли твои окутаны смрадом смерти. Ты не дала себе отдохнуть. И фактически не горевала.

— Я не имею на это права. — Она посмотрела на цветок, чтобы скрыть свое удивление его настойчивостью, тем, что он вообще потрудился сказать ей об этом. Пусть и в очень грубой форме. — Не тогда, когда столько всего лежит на моих плечах.

Он сделал паузу. В его улыбке была знакомая горечь.

— Тогда удачи, целительница. Надеюсь, ты сможешь это вынести, потому что таких как ты, я много повидал, и из них выкарабкался мой брат, да ещё пара человек. Остальные так и сгнили заживо.

Юи опустила плечи и снова повернулась к нему, на этот раз встретив взгляд.

— Я знаю, что смогу. — Сказала она, повторяя то, что говорила себе каждый день. На этот раз она почти серьезно сказала. — Я должна.

<http://tl.rulate.ru/book/69328/2108315>